

Самойлов Владимир

2.3.95.

Обычай газ. - 1995 -
2 - 8 марта - с. 31

РАМПА

А вдруг на горизонте Лир?

Возвращение на сцену Владимира САМОЙЛОВА, одного из известнейших артистов театра и кино, можно счесть поистине триумфальным. Три года назад Владимир Яковлевич ушел из Театра им. Маяковского, где проработал более двух десятилетий, и мы почти ничего о нем не знали. И вдруг пришло известие: Владимир Самойлов репетирует главную роль в спектакле «Долгий день уходит в ночь», одной из сложнейших пьес Юджина О'Нила, на сцене Театра им. Гоголя у Сергея Яшина. В феврале состоялась премьера — на сцене представлена все тот же яркий, подлинно трагический актер. А ведь некогда наше знакомство с Владимиром Самойловым и началось с трагедии — с Ричарда III в спектакле Горьковского театра, привезенного на гастроли в Москву. Именно тогда начали московские режиссеры переманивать Самойлова в столицу...

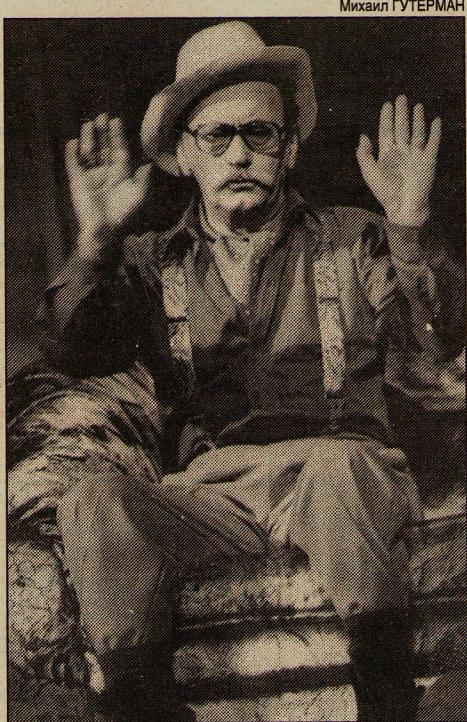
— В общем, это, конечно, была моя ошибка, что я так поспешил в Москву. В Горьком мне предстояло еще сыграть Шекспира, но я этим пожертвовал. Надеялся, что в Москве что-то удастся — слишком много было соблазнов. В частности, Борис Иванович Равенских приглашал меня на Бориса Годунова в Пушкинский, а потом, когда перешел в Малый, и туда звал, но что-то у нас с Царевым не получилось. Несколько лет назад режиссер ленинградского телевидения Александр Белинский предложил подумать о короле Лире, даже подарил мне шекспировский двухтомник — но все это тоже как-то заглохло, не случилось. Честно говоря, я роль-то выучил самостоятельно, не думая о том, найдутся ли деньги, вызовет ли вообще этот замысел какой-то интерес. Просто учил — в основном в электричке, между дачей и Москвой.

— Значит, играя в О'Ниле актера Джеймса Тайрона, мечтающего о шекспировских ролях, вы как бы восполняете свои собственные актерские мечты?

— Сама мысль о том, что я могу вслуш со сцены произнести те несколько фрагментов, что вложил в уста Тайрона Юджин О'Нил, мне необычайно дорога. Душу свою восполняю...

— По моему ощущению, Юджин О'Нил — один из самых трагических драматургов XX века. Как это соединяется для вас, если соединяется, с трагизмом мироощущения Шекспира?

— Конечно, соединяется. Здесь ведь не просто отвлеченное миросозерцание, здесь и поглощающая, засасывающая суета. Ведь быт поглощает человеческую душу, особенно — актерскую. А актер — единственная, если можно так сказать, профессия духа. И душа моего героя, Джеймса Тайрона, постепенно взывает, гибнет в суете. Помните, О'Нил пишет, что в начале пути попалась Тайрону какая-то кассовая пьеса, и эта кассовая пьеса поглотила его мечты. Потому что все уперлось в такую знакомую нам проблему: надо жить, надо зарабатывать деньги. А знаете, какая это была пьеса? Мы в Америке, играя на фестивале четвертый акт «Долгого дня...», выяснили, что это был «Граф Монте-

Михаил ГУТЕРМАН

— Сложно сейчас об этом говорить. Мы в Театре Маяковского выпустили тогда спектакль «Летят перелетные птицы». Ставила его Генриэтта Яновская, работа была очень тяжелая, она вымотала меня совершенно. Сыграл десять-пятнадцать спектаклей и пришлось лежать в больницу на операцию — мне тогда удалили легкое. Ну, а после возвращения я так и не вошел в свежий репертуар — бывает так, не можешь вернуться. И на протяжении почти шести лет я играл три старые спектакля — «Беседы с Сократом», «Игру в джин» и «Смотрите, кто пришел». И ушел на пенсию...

— А что вы делали эти три года?

— Снимался в кино. В великолепной, на мой взгляд, картине, одной из самых, может быть, главных для меня — на «Беларусьфильме» режиссер Вячеслав Никифоров поставил фильм «Душа моя, Мария». Про мое поколение фильм, он был для очень важен для многих, но как раз, когда закончилась работа над ним, начались пертурбации в стране — и никто ее не увидел. В Белоруссии, впрочем, она все-таки прошла. С Никифоровым я вообще всегда с удовольствием работал — еще когда-то мы с ним делали «Зимородок», «Хлеб пахнет порохом», потом я снимался у него в «Отцах и дедах», в «Дубровском»... А «Душа моя, Мария» — что-то очень личное, вся жизнь человека моего поколения...

— Кстати, о вашем поколении. Мы начали наш разговор с трагедий Шекспира, а вы, человек, прошедший одну из самых страшных трагедий...

— Мне было шестнадцать, когда я ушел на фронт. Я как-то стоял в очереди — никогда не пользовался своими военными привилегиями — и подошел мой ровесник. Вокруг зашумели, он гордо поднял книжку, и одна женщина, лет сорока, как-то так просто, привычно сказала: «Когда вы все передохнете?..» Что об этом говорить?.. Когда мы снимали картину в Белоруссии, меня в каком-то интервью спросили: как я отношусь к тому, что вокруг происходит. Я ответил: идет третья мировая война. Просто другими способами и средствами. Я стараюсь не смотреть телевизор, не читать газет. Потому что постоянно натыкаешься на ложь, на лицемерие и перебороть себя невозможно...

— А как начался ваш «роман» с Театром имени Гоголя?

— Начался с приглашения на роль Тайрона. И я пришел в труппу этого театра. Планов никаких особенно пока нет, есть какие-то варианты, но говорить о них рано... Вообще это очень трудно — войти в новый коллектив. Но я вошел в эту труппу на редкость легко. Все получилось удивительно естественно и просто. Мне надо сейчас быть в работе, хотя нет какой-то определенной роли, о которой бы я мечтал. Разве что Лир еще возникнет на каком-нибудь повороте судьбы...

Беседовала
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

214